

В этом номере

АКТИВНАЯ ПОЗИЦИЯ В ЖИЗНИ

Рассказывает Герой
Социалистического Труда В. В. Ермилов

М. ЮНУСОВ

У БЫВШЕГО
„СВЯТОГО МЕСТА“

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЕМ

НАУКА И РЕЛИГИЯ

Г. ФРУМЕНКОВ

**СУДЬБА
ЗНАМЕНОСЦА**

И. СУХАРЬКОВ

Католическая
пресса в Италии

12 • 1976

ПАЛИЛО НЕЩАДНО. Нагретый воздух волнами поднимался в небо. Раскаленный асфальт шипел под колесами, как масло на горячей сковороде. Дорога шла на подъем. Водитель сбросил скорость, повернул налево — и зной вдруг исчез. В лицо ударила чуть влажная, дышащая кипарисовым ароматом прохлада.

Могучие карагачи росли кругом. Чинары протянули горизонтальные ветви так далеко, что в тени одного дерева могли легко разместиться жители целого кишлака. На дне овальной, раскрытой амфитеатром ложины живой струей вспучивались прохладные родники. Пробегая к низине, каждый источник выкроил здесь несколько маленьких островков. Соединенные между собой деревянными мостками, они напоминали Венецию в миниатюре. Радостные птичьи голоса оглашали окрестность. Волнами раскатывалось тревожно-таинственное причитание среднеазиатской горлицы. Безумолку трещали скворцы. Диссонансом в этом птичьем го-моне звучал голос бесцеремонной майны.

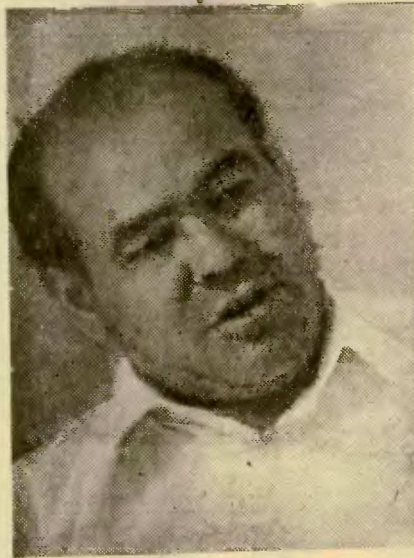
Мы вышли из машины и спустились к роднику. Я нагнулся, чтобы напиться, и от неожиданности застыл — вода буквально кишела рыбами. Водитель достал из кармана горсть пшеницы и бросил в родник: вода забурлила. Яростно разгоняясь, рыбы высоко взлетали в воздух и шлепались, вздымая брызги. Их было так много и они держались так смело в присутствии человека, будто никогда им не угрожала опасность.

— Это и есть святое место Балыклы-мазар? — спросил я заместителя председателя Наманганского облисполкома Мухсина Адыловича Адылова.

— Жизнь не стоит на месте, — ответил он. — Теперь мы

ПОЕЗДКА В БАЛЫКЛЫ

М. ЮНУСОВ,
специальный корреспондент
журнала «Наука и религия»

М. А. Адылов.

называем этот оазис Балыклы-куль, он стал местом отдыха трудящихся Янгикурганского района, одним из самых прекрасных в Ферганской долине.

Мы выбрали беседку у самого родника, сели. Я достал блокнот и посмотрел свои записи: «В дни религиозных праздников число паломников за день достигает 300 человек. В Балыклы-мазар приходят пешком, приезжают на колхозных

грузовиках, некоторые привозят сюда детей. Был даже такой случай: один верующий приехал на тракторе, проделав путь в 75 километров». Этот эпизод с трактором больше всего привлек мое внимание. Мусульманин-паломник за рулем трактора — об этом можно бы и фельетон написать.

— Вы опоздали на четыре года, — сказал Адылов. — Четыре года назад, когда мы приехали сюда с проектом комплексного благоустройства, мазар еще функционировал. Место заросло дикой травой. Возле источника были разбросаны кости жертвенных животных. Деревья были увешаны ритуальными лоскутами. В кустах водились ядовитые змеи. Когда здесь создали комплекс культурно-оздоровительных сооружений, паломничество постепенно прекратилось. По выходным дням в оазис приезжают жители кишлаков Бекабада, Чартака, Караскана, Каравана, Сарая и ближайшего отсюда города Намангана.

Меня давно интересовало: чем «святые» места привлекают паломников? Ведь не может быть, чтобы людей притягивали сюда одни могилы шейхов, легенды о них. Да и среди тех, кто приходит к мазарам, часто встречаются люди вовсе не верящие ни в святость покоящихся здесь шейхов, ни в целебность источников. Оказывается, Мухсина Адыловича тоже занимало это. Он кое-что для себя выяснил.

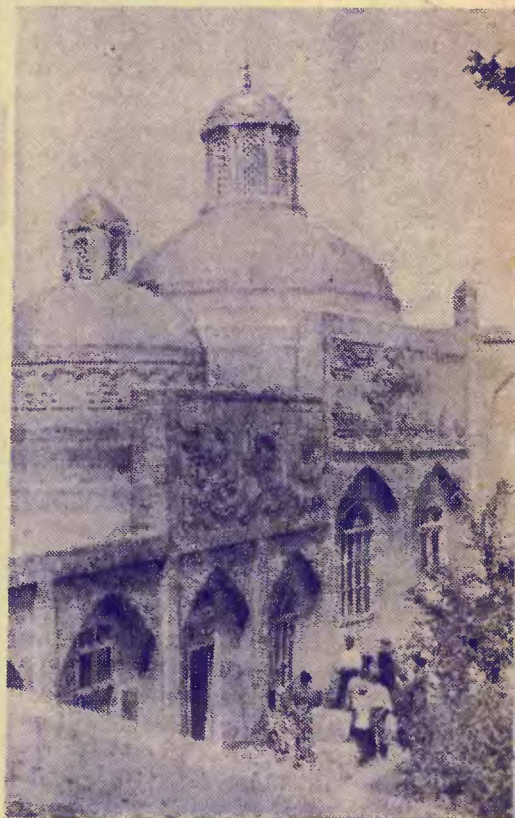
— Многие приходят просто полюбоваться самим местом. Все «святые» мазары в Средней Азии расположены прямо-таки в райских уголках — в благодатных оазисах, у источников, возле причудливых скал, в реликтовых рощах, и я пришел к выводу: чтобы мазар стал местом поклонения, требуется по меньшей мере четыре обязательных условия — природная красота места, ле-

Посмотреть на соревнующихся собираются стар и млад.

Фото Г. Киселевой

Архитектурный памятник — медресе «Мулла Киргиз» в Намангане.

генда о покоем здесь человеке, люди, готовые поверить в эту легенду, и наконец, кто-то, заинтересованный в том, чтобы могила прослыла «святой». В Балыклы все это было, и он стал типичным мазаром. В оазисе, возможно, еще и до ислама, находилась какая-то языческая святыня. А суеверных людей здесь когда-то жило более чем достаточно. Смотрители мазара — муджавиры, по рассказам стариков, не скупилась на выдумки, умели хорошо рекламировать свое «святое» место. А легенды, прославляющие того, кто захоронен в Балыклы, были весьма интригующие.

Легенды и в самом деле занимательные. Некоторые я знал, вот одна из них:

...По завещанию пророка Мухаммеда его зять Али приехал в Среднюю Азию, чтобы поклониться могиле султана Ваиса, который был беком знаменитого Захирадина Му-

хаммеда Бабура. Совершив по прибытии в Балыклы намаз, четвертый халиф поднялся и воскликнул: «Где ты, святой Ваис? Отзовись!» И тотчас же на том месте, где совершался намаз, выросло дерево, а там, куда был воткнут посох Али, забил прекрасный родник. Позже люди соорудили здесь мазар.

А вот другая легенда:

... У бедного дехканина было семеро сыновей, и всех семерых звали Ваисами. В поисках счастья Ваисы разбрелись по Средней Азии. Аллаху было угодно, чтобы все они умерли в один и тот же день, на одном и том же месте. Было известно, что одного из семерых братьев Аллах удостоил чести быть святым, поэтому его следовало похоронить отдельно. Но правоверные не могли определить, кто же из них святой. Долго спорили и вдруг услышали голос: «О чем спорите, правоверные? Накройте их,

помолитесь, потом посмотрите!» Так и сделали, а когда открыли покрывало, увидели, что шестеро покойников лежат как и прежде, а седьмой повернут в сторону киблы, и на его лице появилась чудесная улыбка. Сразу стало понятно, что именно он и есть святой Ваис, и ему соорудили мазар в этом оазисе.

Кроме этих легенд я узнал еще и о рассказе Муллахана Тораханова, который умер в 1932 году в возрасте 92 лет:

«...Это место еще на моей памяти называлось не Балыклы, а Зирклы-мазар. Дерево зирк (барбарис) посадил здесь мой дед — он привез его из Бадахшана. Отвар из листьев

зирка помогает от болей в пояснице, лечит и трахому. А похоронен тут единственный сын слепой вдовы Бибирахат по имени Ваис. За то, что Ваис всю жизнь ухаживал за слепой матерью, был добрым, покорным и, чтобы не огорчать ее, даже не женился, Аллах сделал его святым».

Вероятно, этих легенд было гораздо больше. Старые забывались, уступая место новым. Верующие же не анализируют

Около источников в прохладе под чинарами веселятся отдыхающие.

легенды, а принимают на веру. Ведь нам знакомо такое ощущение: умом хорошо понимаем, что сказка наивна, даже смешна, а продолжаем искренне волноваться за судьбу ее героев. Так и тут. Конечно, среди верующих было немало людей, знавших, что зять про-

рока Али жил в VII веке, а султан Ваис — если в оазисе Балыклы и в самом деле похоронен бек того самого знаменитого Бабура — владел землями Касана спустя девять веков. В «Бабур-Наме» — автобиографических записках Бабура сообщается, что султан Ваис погиб в сражении под Кабулом, а Фергана находилась тогда в руках врага Бабура — Шейбони-хана.

Менялось и название самого оазиса. Как видим, совсем недавно это место называлось Зирклы-мазар. А последнее его название — Балыклы-мазар происходит от тюркского слова «балык» — рыба.

Смотрители мазара распространяли слухи о чудесных свойствах обитателей источника. Они говорили, например, что эти рыбы могут жить только в святой воде. Если кто-либо плюнет в родник, рыбы якобы исчезнут. Кроме того, ни в коем случае нельзя употреблять эту рыбу в пищу.

Лакомки, пожелавшие отве-
дать святых рыб, погибли
страшной смертью. Но самое
главное чудо в том, что рыбы
после вечернего намаза исче-
зают. Смотрители мазара дол-
го ломали головы: куда же
деваются эти творения Аллаха?
Наконец им удалось «обнару-
жить», что рыбы по подземно-
му водному пути отправляются
в Мекку и, совершив за ночь
такой хаджж, возвращаются
обратно к утреннему намазу —
собах. Вот почему Балыклы —
особое святое место, почти та-
кое же, как сама Мекка, —
чудесные рыбы связывают его
с главной святыней мусу-
льман.

Но, пожалуй, главным козы-
рем муджавиров, рекламиро-
вавших Балыклы-мазар, была
легенда, будто источник изле-
чивает от бесплодия. Молва об
этом идет еще с тех давних
времен, когда здесь было язы-
ческое святилище. Несомненно,
совершаемые здесь языческие
действия тоже идут еще с

доисламских времен — женщины, моля всевышнего послать ребенка, оставляют у источника деревянных кукол, обернутых в тряпки, и другие амулеты. Официально мусульманской религией такие действия запрещались. К тому же ортодоксальный ислам отвергал культ святых.

В условиях дореволюционной Средней Азии детская смертность достигала таких размеров, что демографический баланс поддерживался только за счет очень высокого уровня рождаемости. Кроме того, бесконечные войны и междоусобицы уносили множество человеческих жизней. А труд на земле здесь требовал большого количества рабочих рук. Поэтому и бездетность вызывала у среднеазиатских народов не сочувствие, а осуждение: на бездетных женщинах как бы лежало проклятье, их не жалели, а презирали и сторонились. Ведь за малые грехи не мог лишить всевышний женщину радости материнства! Значит, она — великая грешница! Бесплодные женщины, жившие в условиях жесточайшего фанатизма, готовы были на все, лишь бы избавиться от недуга. Они обращались к колдунам, совершали паломничества к мазарам...

Когда разговор зашел об этом, Мухсин Адылович заметил:

— Ведь и в наше время, пусть редко, но все же встречаются такие женщины, которые обращаются к знахарям, посещают «святые» места и, бывает, прибегая к «святым» средствам, окончательно лишают себя возможности иметь детей. Что-то я не припомню, чтобы посещение мазара помогло кому-нибудь от бесплодия. Конечно, могли быть и совпадения — ведь причины этого недуга бывают и временные, случайные! А вот из-за паломников люди

здесь не могли отдыхать. Неверующие из деликатности не мешали верующим, хотя провести отпуск или выходной день в таком прекрасном месте хотелось каждому...

— Значит, вся проблема заключалась в благоустройстве оазиса? — спросил я.

— Не только. Сначала немало пришлось поработать нашим пропагандистам. Мы привлекли к «освоению» Балыклы врачей, биологов, историков, искусствоведов. Был исследован микроклимат оазиса, изучена история возникновения мазара, обследованы мечеть, надмогильник. Слово «мукаддас» — так у нас называют «святое» место — в дословном переводе на русский язык означает: уважаемое, святое; в нем есть и религиозный, и светский оттенок. Разумеется, такие места, как Балыклы, почитались не только из-за мазара; в жарком климате невольно вызвали почтение и источник, и деревья, и прохладная тень. В голой пустыне муджавиры не устраивали святых мест...

В целебных свойствах Балыклы-мазара можно не сомневаться. Влага, стекающая с деревьев после росы и дождей, действительно лечит кожные заболевания. Страдающий от удушья, посидев в прохладной тени у ручья, почувствует облегчение. И человек, томимый душевным недугом, в этом прекрасном уголке, где убаюкивающе журчит ручей, а воздух полон ароматной свежести, ощутит глубокое спокойствие...

Микроклимат оазиса целителен для тех, кто страдает болезнями дыхательных путей. В источниках Балыклы чистая и вкусная питьевая вода. Даже возможность излечения некоторых кожных заболеваний была подтверждена научно. Насыщенная растворенными древесными смолами, на-

стоенная на листьях деревьев влага могла действовать дезинфицирующе. Но наиболее интересное открытие сделали биологи. Они установили, что в источниках Балыклы обитают рыбы маринки из семейства карповых. Оказывается, служители культа хорошо знали, что черная пленка брюшины и икра маринки ядовиты. Случаи тяжелого отравления рыбой были им на руку, ибо подтверждали сказки о том, будто рыбы эти — священные.

— Мы сохранили, — говорит Адылов, — и мечеть, возведенную под руководством мастера Тилла Ходжа, который оставил нам прекрасные образцы резьбы по дереву. Даже не тронули черный камень на могиле Ваиса, поставленный тут в подражание Каабе. Все это — хорошие наглядные пособия во время лекций на атеистические темы. Название оазиса тоже сохранили, только слово «мазар» заменили на «куль» — озеро: Балыклы-куль.

Мухсин Адылович достает блокнот.

— В благоустройство оазиса нам пришлось вложить немалые средства: только на материалы ушло 56 тысяч рублей. А если сюда приплюсовать стоимость рабочей силы, сумма, пожалуй, удвоилась бы. Одной какой-либо нашей организации такие расходы были не под силу, и мы решили организовать дело на общественных началах. На наш призыв отозвались республиканское Общество охраны памятников истории и культуры, Общество охраны природы, отдел культуры облисполкома, облкомхоз, облбыткомбинат, республиканский Дом атеизма, Наманганский областной музей и многие другие организации. Солидную сумму выделил совхоз «Ленинизм». В благоустройстве приняло участие все население Янгикурганского ра-

йона. В выходные дни приезжали сюда из областного центра. Много потрудились тут учащиеся. — Мухсин Адылович показал на новые постройки. — Здесь раньше, кроме полуразрушенной мечети и запущенного мазара, ничего не было. А теперь, сами видите, сколько построено.

В реставрированной мечети — музей атеизма и библиотека, в которой 15 тысяч книг. Есть в Балыклы клуб и кинозал. Здесь же расположилась чайхана с открытыми верандами. Рядом, в здании быткомбината, можно сшить модную одежду, взять напрокат велосипед или телевизор, постричься в парикмахерской, заказать в фотоателье портрет.

В Балыклы-мазар людей гнал страх, недуги, несчастья. В Балыклы-куль приезжают веселые, жизнерадостные люди. Раньше паломники уноси-

ли отсюда смутную надежду на исцеление, иллюзорную веру в избавление от грехов. А теперь колхозники окрестных кишлаков после отдыха в оазисе возвращаются поздравившими, бодрыми. Когда, осмотрев все уголки оазиса, мы шли к машине, Адылов заметил:

— Благоустроявая Балыклы, мы приобрели ценный опыт. Сейчас в Наманганской области больше десятка бывших «святых» мест стали доступны для отдыха трудящихся: в Ташбулаке, Шербулаке, Овчибулаке, Хужайли созданы пионерские лагеря, в бывших мазарах Бувана и Садбир организованы зоны отдыха. Вокруг мавзолея Лутфуллы Мовлоно посажен парк, сооружены спортивные площадки. Мавзолей Ходжа Амин Кабри превращен в филиал музея города Намангана.

Солнце спускалось за дальние горы. В Балыклы въехал автобус и остановился возле источника. Из него выходили колхозники, приехавшие сюда на вечерний отдых. На открытой веранде чайханы старики пили чай и о чем-то тихо разговаривали. В открытом окне парихмахерской виднелись две женские головки в бигуди. Откуда-то доносился стук миллиардных шаров. По радио передавали сводку о собранном за день хлопке. На мостке, перекинутом через ручей, женщина и мальчик лет пяти кормили рыбок.

Наша машина выехала на асфальт и повернула к Намангану. На Ферганскую долину спускалась теплая бархатистая ночь. Мимо пробежали огни кишлаков. Встречные машины, переключая фары, орошали дорогу брызгами света.

Проблема решается по-новому

Н. СОЛОВЕЙ,
лектор Сумского обкома
КП Украины

У НАС в Сумской области сложилась определенная система атеистической работы. Здесь лекции и беседы, тематические вечера, массово-политическая работа в трудовых коллективах и по месту жительства. В городах и районах действуют 17 передвижных клубов атеиста, 20 передвижных планетариев. В культпросветучреждениях, общежитиях оформлено около тысячи уголков атеиста. К этому следует добавить 16 школ лекторов и организаторов-методистов атеистической работы, в которых ежегодно учатся 650 человек. Более двух тысяч человек повышают свои знания в системе партийной и комсомольской учебы, где изучают основы научного атеизма. Кафедры общественных наук вузов области закреплены за отдельными районами, периодически оказывают помощь в подготовке атеистических кадров.

Это результат того, что в последнее время областная партийная организация уделяет большое внимание учебе и переподготовке пропагандистов, организаторов атеистической работы с учетом новых задач, поставленных XXV

съездом партии. Мы стараемся готовить высококвалифицированных специалистов атеизма, разбирающихся в религиозной догматике, обладающих искусством убеждать людей.

Исследование состояния атеистической работы в ряде городов и районов области показало, что уровень ее еще отставал от требований сегодняшнего дня. Дело в том, что подготовка кадров пропагандистов определялась у нас большей частью лишь количественной стороной.

Мы тщательно проанализировали причины такого положения и выяснили, что слушатели в процессе учебы получали знания теоретические, главным образом по истории религии и атеизма, а практике атеистической работы внимания уделялось гораздо меньше. В областной школе лекторов атеистов неоправданно был растянут учебный процесс. Практические занятия почти не проводились. В результате выпускники школы не получали необходимых навыков, чтобы достаточно квалифицированно вести практическую работу.

Поэтому мы стали искать способы повышения эффективности подготовки кадров пропагандистов. Наши товарищи ездили в Киев, Николаев, Донецк изучать опыт работы, с тем чтобы взять все лучшее, особенно в плане преподавания методики. Постепенно родилась идея создания областных курсов по подготовке атеистических кадров с отрывом от производства.

Специальная комиссия провела тщательный отбор пропагандистов и лекторов, пригласив людей, действительно преданных своему делу. Программа была рассчитана на три недели. Она предусматривала чтение лекций, проведение семинаров и практических занятий, обмен опытом атеистической пропаганды.

Большую помощь в составлении программы и обеспечении курсов квалифицированными преподавательскими кадрами нам оказали научные сотрудники отдела атеизма Института философии АН УССР, кафедр научного атеизма Киевского и Московского университетов, а также Института науч-

В этом номере

Р. МАМЕДЗАДЕ

**НАШИ ДУХОВНЫЕ
ЦЕННОСТИ**

М. ЮНУСОВ

ФОНТАНЫ В КИШЛАКЕ

П. КРОПОТКИН

**Почему дрейфуют
континенты?**

НАУКА И РЕЛИГИЯ

**РАЗГОВОР С ЮНЫМ
ЧИТАТЕЛЕМ**

В. ХРШАНОВСКИЙ

**ОДЕРЖИМЫЕ
САТАНОЙ**

11 • 1976

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА Сайфутдинов сам повел меня в парк культуры и отдыха. Мы прошли мимо спящих под аркой львов, спустились с бетонной площадки и оказались на территории парка с красивым названием «Бахор» — весна. Впереди тугой рассыпающейся струей били фонтаны. За фонтанами начиналась Аллея ветеранов. На мраморной плите крупными буквами написано: «При установлении Советской власти в кишлаке Лугумбек отдала жизнь во имя нашего счастливого будущего». Слева в ряд четыре бюста из коричнево-серого камня: Мадижон Исмаилов — первый секретарь комсомольской ячейки, Ахмаджон Якубов — первый председатель колхоза, Абдулхон Колматов — первый руководитель комбеда и Оманбиби Хужамбердиева — первый председатель кишлачного Совета. Все они пали в борьбе с врагами революции. Оманбиби первая в кишлаке сбросила паранджу. Лугумбекцы избрали ее своим председателем. Она погибла от удара ножом в сердце, убил ее муж, перебежавший к басмачам.

Сюда, в Аллею ветеранов, приходят молодые, чтобы учиться стойкости, черпать нравственную силу. Здесь третьеклассникам впервые повязывают красные галстуки, подростков принимают в комсомол, вручают первый паспорт 16-летним. И посвящение юных колхозников в хлопкоробы, и чествование аксакалов в дни торжественных юбилеев происходят на этой аллее.

Больше тысячи мужчин уехали из кишлака Лугумбек защищать Родину от фашистских захватчиков. Триста из них не вернулись. Триста молодых кипарисов посадили в парке односельчане и к стволу каждого дерева прикрепили дощечку с именем погибшего. Деревья

ФОНТАНЫ КИШЛАКА ЛУГУМБЕК

М. ЮНУСОВ,
специальный корреспондент
журнала «Наука и религия»

растут, дарят людям желанную тень. При торжественных проводах в армию лугумбекские парни дают здесь клятву быть достойными героев-односельчан. На проводы собираются ветераны войны, говорят напутственные слова, дают наказ служить честно, преданно. По возвращении ребят из армии ветераны снова встречают их здесь. Демобилизованные вои-

ны отчитываются перед аксакалами.

Аллея ветеранов приводит к монументу Воина-освободителя. Горит Вечный огонь. Вокруг посажены алые розы.

Дальше, под раскидистыми чинарами, зона отдыха. Здесь, в прохладе, можно неторопливо беседовать. Пить душистый зеленый чай: под навесом — большой медный самовар. В дни юбилеев и свадеб здесь можно готовить шашлык или плов — для этого есть печь с мангалами и шестнадцатью встроенными казанами.

Между беседками протекает река. За ней, на вершине насыпного кургана, красивая ротонда — Храм воздуха. В жаркие дни из трубы, проложенной по кромке крыши, бьет тонкими струями вода. Отсюда виден весь парк, стадион с футбольным полем, тир, Комсомольское озеро с лодочной станцией и Беседка молодоженов под плакучими ивами. За озером — фруктовый сад, где скоро начнется строительство колхозного профилактория на 50 мест и пионерского лагеря. К саду примыкает детская площадка с аттракционами.

В самой середине парка, между плавательным бассейном и Комсомольским озером, возвышается большой каменный куб, поставленный вплотную к высокому цилиндру с белым куполом. Назначение цилиндрической башни я определил сразу. Это был планетарий. А о каменном здании пришлось спросить у председателя.

— Наш Дом научного атеизма, — ответил Шарафутдин Сайфутдинович.

Дом научного атеизма в кишлаке? Признаться, с таким я встретился впервые и, естественно, заинтересовался.

— Не одно это здание, но и комплекс «Бахор» со всеми сооружениями, водоемами, па-

Молодежная свадьба.

Семейная прогулка в парке.

Заместитель
председателя колхоза
по культурно-
воспитательной работе
Мамланат Ишанова
с детьми.

Председатель колхоза
имени Ахунбаева
Шарафутдин
Сайфутдинов.

Фото Г. Киселевой

мятниками и зелеными насаждениями имеет то же самое назначение, что и Дом научного атеизма, — ответил на мой вопрос Сайфутдинов. — Отдых на природе, общение, обмен новостями — разве все это не имеет атеистической направленности? Потребность современного человека в общении, — начал рассказывать председатель, — уже нельзя удовлетворить, как раньше, только хождением друг к другу в гости. Мы нуждаемся в более широком и разнообразном общении. Я бы сказал, в более насыщенной духовной близости. После работы колхозники собираются в парке, и здесь каждый находит для себя занятие по душе. Молодежь играет в футбол, волейбол, настольный теннис или катается на лодке. Для более пожилых людей есть бильярд, шашки, шахматы, телевизор, радиолы. Мы выпишем несколько десятков газет и журналов. Для любителей книг есть хорошая библиотека. Старики любят смотреть спортивные состязания молодежи, пить чай и вспоминать о годах молодости. Здесь каждый чувствует себя членом одной большой семьи. Парк «Бахор» — это общая гостиная нашего кишлака. Здесь мы отдыхаем и учимся жить по-новому. Создавалось все это постепенно. Начали еще тогда, когда в кишлаке строился первый дом по новому проекту.

Любой колхоз может создать такой же комплекс — было бы желание. Сложность в другом. Многие считают организацию отдыха второстепенным, а то и вовсе ненужным делом. Но ведь полноценный отдых, который обогащает человека духовно, — не меньшее общественное богатство, чем прибыли, полученные от производства.

Председатель кивнул в сторону облицованного голубым кафелем бассейна:

— Когда я предложил проект этого сооружения, меня называли фантазером. Говорили, купание в наших краях не очень-то популярно. Построим для детей «лягушатник», и достаточно. А я доказывал, говорил, что в Ферганской долине жарких дней в году более двухсот, а колхозники целый день работают в поле под палящим солнцем. Бассейн все же построили, но первое время он действительно пустовал, просто люди еще не умели пользоваться этими благами. Когда колхозники привыкли отдыхать после работы в парке и купание вошло в привычку, пришлось соорудить еще один водоем и оборудовать пляжи. Теперь чуть ли не круглый год в бассейне плавают и взрослые, и дети.

Председатель улыбается:

— Нет, на хороший отдых смело можно потратиться. Расходы со временем окупятся сторицей.

До этой истины Шарафутдин Сайфутдинов дошел не сразу. После того как он окончил педагогический техникум, его призвали в армию, определили зенитчиком на бронепоезде. Домой пришел сразу после Победы — стране нужны были педагоги. Восемь лет проработал директором детдома. Потом партийная работа. А с 1960 года возглавляет колхоз имени Ахунбабаева и уже 17 лет все свободное время отдает любимому делу — украшению и благоустройству родного кишлака.

Председатель много ездил по Союзу, побывал в двадцати разных странах. Из поездок он привозил домой то саженцы деревьев, то луковички многолетних цветов, то чертежи фонтанов и бассейнов. Аллея ветеранов оформлена по наброскам, привезенным из Риги. Идея сооружения памятника Воину-освободителю возникла

у Обелиска Славы в Киеве. Фонтаны парка «Бахор» чем-то, пусть очень отдаленно, напоминают знаменитые каскады Петродворца.

— Зарубежные поездки научили меня ценить землю, — говорит Шарафутдин Сайфутдинович. — Чтобы посадить на нашей земле сад, не надо покупать участок у частного владельца.

В кишлаке Лугумбек Избасканского района Андижанской области Узбекской ССР постепенно вырос парк площадью в 11 гектаров, появились искусственное озеро, бассейн, фонтаны, памятники. Средства на их сооружение изыскать было не так трудно, но никто из колхозников не знал, как разбить парк, построить бассейн, соорудить фонтаны. Можно было, конечно, пригласить специалистов из города. Но колхоз имени Ахунбабаева не пошел по этому пути. Важен ведь не только конечный результат, но и сам процесс работы — лугумбекцы должны были научиться сами украшать свой кишлак. Им было важно, чтобы дети видели, как отцы и матери сажают деревья, сооружают фонтаны, ухаживают за цветами.

Колхоз организовал бригаду гончаров, возглавил ее Шаймулла Калимуллин, такой же энтузиаст, как и сам председатель. Шаймулла приехал в Лугумбек из Башкирии, рассчитывал пожить в Ферганской долине год-два, в тепле подлечить свой артрит и вернуться в родные края. Но душевное отношение людей, уважение к его труду навсегда привязали к кишлаку. Не он один, еще несколько десятков людей, приехавших из разных концов страны, остались в колхозе имени Ахунбабаева. Сначала хотели увидеть, как забьют фонтаны, как пойдут в рост маленькие хрупкие чинары. А потом, когда в парке появилась

тень, водоемы задышали приятной прохладой, и вовсе пропала охота уезжать. И молодежь, когда-то уехавшая в город, стала возвращаться в родной кишлак. Усман Назаров вернулся в Лугумбек с женой Галиной. Теперь у Назаровых шестеро детей. Абдулхамит Акбаров возвратился в кишлак с Любой, веселой, голосистой молдаванкой. Лугумбекцы полюбили жену Акбарова и доверили ей воспитание детей в детском саду.

К слову сказать, в колхозе имени Ахунбабаева трудятся представители 18 национальностей.

— Русские и татары привезли из Центральной России опыт сооружения домов типового проекта, — объясняет председатель. — Казахи и киргизы поделились опытом ухода за скотом, таджики — умением перерабатывать сельскохозяйственные продукты, а узбеки научили их выращивать хлопок. Если два человека обмениваются, скажем, своими тюбетейками, каждый останется обладателем одной тюбетейки. А если двое обменялись знаниями, то знаний у каждого становится вдвое больше.

Мы с председателем обошли весь парк и через Аллею ветеранов вышли на улицу. Шарафутдин Сайфутдинович сказал:

— После озеленения кишлака все чаще приезжают к нам гости. И соседи охотнее стали посещать нас. В парке мы устраиваем общие праздники, карнавалы. Перед уборкой хлопка колхозникам даем неделю отдыха и накануне выхода в поле устраиваем праздник с фейерверком, театральными представлениями. В нашем парке проводят мероприятия районные организации, а иногда приезжают даже из Андижана.

Парк «Бахор» завоевал в 1974 году Диплом третьей степени Главной комиссии ВДНХ

СССР, в 1975 году — первое место на Всесоюзном смотре парков культуры и отдыха.

На другой день председателя вызвали в район. На хозяйстве осталась Мамлакат Ишанова, его заместитель по культуре. Не во всех колхозах есть такая должность. Об этом сама Ишанова сказала мне так:

— Культурно-воспитательная работа в колхозе не менее ответственна, чем выращивание хлопка. Поэтому на общем собрании решили, чтобы был у нас заместитель по культуре.

Мы пошли осматривать школы. В кишлаке их три: две восьмилетки и десятилетка. А до революции в Лугумбеке лишь немногие дети ходили учиться грамоте к мулле.

В прошлом году для приобретения технических средств обучения колхоз выделил школам 20 тысяч рублей. За счет колхоза детей кормят обедом, учебники и спортивная форма выдаются бесплатно. Колхоз заботится о детях. И самым главным здесь считают трудовое воспитание. За каждым учеником закреплен участок в парке «Бахор». Теперь здесь каждый куст розы, каждый клочок земли имеет своего заботливого хозяина. Никому не хочется, чтобы его участок был хуже, чем у соседа, и дети стараются изо всех сил.

Директор школы-десятилетки Сатконбай Таджибаев показал нам классы, лаборатории. В каждом классе есть проектор, диктофон, проигрыватель. С особой гордостью открыл директор дверь школьного музея. Мы вошли. Таджибаев подвел нас к экспонатам, отобранным для передачи в Дом научного атеизма. В стеклянном шкафу висела паранджа, сшитая из черной шерстяной ткани. Рядом стоял сосуд для ритуального омовения, там же лежали четки из зерен финика.

Прозвенел звонок, директор

заторопился. Мы с Мамлакат Ишановой направились в кишлачную поликлинику.

При поликлинике есть стационар, рентгеновский кабинет, лаборатории, отличное отделение для рожениц.

Главврач Садыркул Асранкулов уделил нам несколько минут.

— Фитонцидов у нас в кишлаке больше, чем в Ялте, по количеству солнечных дней мы опережаем даже Сочи. Купайся, загорай, дыши.

— Раньше главврач проповедовал это в другом тоне, — сказала Ишанова. — Даже грозил, пугал разными болезнями тех, кто не хотел пользоваться водой, ходить в парк.

— Это было, когда партийное бюро обязало меня руководить народным университетом гигиены и быта, — засмеялся Асранкулов. — Раньше женщины даже на консультацию к врачу ходили неохотно. А сколько приходилось объяснять, что если ребенка везти в коляске, то это и для его здоровья полезно, и матери гораздо удобнее. Но женщины упорно продолжали носить детей на руках и за спиной. А вот когда заасфальтировали улицы и разбили парк, в кишлаке появились детские коляски. Оказывается, объективные условия убеждают людей гораздо лучше, чем наши словесные призывы.

Потом главврач рассказал, как в университете гигиены и быта они «воевали» с теми, кто считал необязательным скинуть вечером рабочую одежду.

— Во время отдыха тело должно дышать! — восклицает Асранкулов по-восточному темпераментно. — Удобная и чистая одежда создает хорошее настроение. И люди более уважительно относятся к тебе, если ты хорошо следишь за собой. Аккуратно одетый чело-

век не будет валяться на траве, мять цветы. Об этом мы говорили много, стыдили, если встречали колхозников на улице в грязной одежде. И перелом произошел как-то незаметно. Теперь не только в парке, но и на улицах кишлака не встретишь людей в рабочей одежде. Ходить в парк в неглаженных брюках считается неприличным.

И еще был разговор — с секретарем партийной организации Хамиджоном Тургуновым. Он рассказал:

— Когда мы только начинали строить новые дома, было решено многое изменить. Посередине улицы посадить розы, вдоль домов — тополя и чинары. Нас обвиняли в расточительстве, говорили — это роскошь, мол, в первую очередь

надо обеспечить людей жильем, о парке, бассейне будете заботиться потом. Старый кишлак был застроен глинобитными домами, каждый двор огражден дувалом, окна выходили во двор. Идешь по улице — сплошная глиняная стена. За ней живут люди, но их и не видно. В новых домах нельзя жить по-старому, — рассуждали мы. — Еще до переселения в новые жилища мы должны научиться жить по-новому. Когда обсуждался проект планетария, тоже многие обвиняли нас в расточительстве. Из колхозников астрономов хотите сделать? — говорили нам. — Теперь мы убедились, что поступили правильно. Когда колхозники переселились в новые дома, они из своих окон увидели зеленые деревья, цветущие розы. А сколько красоты и за

пределами нашего кишлака! Теперь мы построим планетарий. Пусть люди узнают звездное небо.

Потом на окраине кишлака мы вместе с председателем осматривали старый глинобитный дом. Уже на улице Шарафутдин Сайфутдинович сказал:

— К концу десятой пятилетки все лугумбекцы будут жить в кирпичных домах с газом, ванной, паровым отоплением. Но один старый дом мы сохраним для потомков — как музейный экспонат.

Мы распрощались. Я уезжал. Кишлак Лугумбек, где живут хлопкоробы-мечтатели, которые вечерами отдыхают у фонтанов и хотят знать звездное небо, скрылся за серебристыми тополями, посаженными вдоль дороги.

ЗУЛЬФИЯ

ВЕЛИКОЕ РОЖДЕНИЕ

Садилось солнце где-то за горой,
Как будто после дня трудов устало.
На поле предвечернею порой
Приезжий гость увидал аксакала.

Работа спорилась у старика
В руках, что были крепче твердой стали.
И хлопка вороха, как облака,
У ног его послушно замирали.

Не одолели старика года,
Не сторбнили дни горестей и боли.
На грудь его спадала борода
Белее хлопка, что сушился в поле.

Бросало солнце свой осенний свет,
За дальнею горою догорая...
«Скажите, мистер, сколько есть вам лет?» —
Спросил приезжий из чужого края.

И аксакал сказал ему в ответ:
«Жизнь — это свет, и счастье, и свобода.
А потому мне только сорок лет —
Я начал жить с семнадцатого года!»

1957

Перевод Н. ГРЕБНЕВА

МОЙ РАССВЕТ

Спят поля, спокойствие храня,
Хлебом одарив страну родную,
А рассвет, что в сердце у меня,
Гонит прочь из дома тьму ночную.

Утро светит правде и добру,
Звонко утверждая справедливость
Утро я у ночи отберу,
Чтобы на бумаге вечно длилось.

Я заставлю бледную луну
Жаром стихотворным разгореться,
Я в свеченье звездное вдохну
Пламя человеческого сердца.

Прикажу, чтоб утренняя рань
Никогда не ведала ненастья,
Чтобы утро превратилось в ткань,
Ярко излучающую счастье.

То погаснет, то сверкнет роса...
Утро, утро, начиная с ночи,
Зашумите, строчек голоса,
Наполняя долгий день рабочий!

Вот дитя заплакало... О мать,
Накорми его в тиши рассвета,—
Высоко дано ему летать,
Старая мала ему планета.

Огоньки то близко, то вдали,
В окнах возникают постепенно...
Здравствуй, утро новое земли,
Здравствуй, утро — музыка Вселенной!

Принеси покой иль непокой,
Стань моей тоской или весельем,—
Только не бесплодную строкой,
Только не безжизненным издельем.

1968

Перевод С. ЛИПКИНА